

О некоторых проблемах государственного суверенитета России

© С.А. Соболева

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

В статье поднимаются вопросы, касающиеся угроз российскому государственному суверенитету финансово-экономического, территориального и идеологического характера. Автор рассматривает их, связывая прежде всего с распространением и насаждением на постсоветском пространстве неolibеральной идеологии и морально-ценностного релятивизма. Преодоление данных угроз автор видит в первую очередь в возвращении к культурно-национальной идентичности и создании единой государственной идеологии возрождения России.

Ключевые слова: *государственный суверенитет, макроэкономические решения, территория, идеология, национальная идентичность, неolibерализм.*

Понятие «суверенитет» широко используется, но необходимо разобраться, что оно означает. Обычно под государственным суверенитетом понимают независимость государства в принятии решений. В целом этот подход не выходит за рамки политико- и нормативно-правовой номинаций.

Актуальным поставленный вопрос делает современный прогресс в методах межгосударственных взаимодействий и, что важнее, противоборства и ведения войны. Информационные и иные интеллектуально емкие новые методы войны меняют отчасти и понятие суверенитета.

Государственный суверенитет — это не только право, но и *реальная возможность государства принимать и реализовывать решения в национальных интересах на самостоятельной основе*. Мы видим, что на практике государством могут приниматься самостоятельные решения, но в национальных интересах не собственной страны, а других держав.

Понятие «государство» также требует контекстного пояснения. Это не собрание коррумпированных чиновников, как порой упрощенно представляют, это и не машина для оказания услуг населению. Это, в узком смысле, централизованный институт управления в стране, а в широком — сама страна. То есть не только управленческий аппарат, но еще и население, территория. Это важно, поскольку привносит понимание в пирамиду составных частей государственного суверенитета как сложной синтетической категории. Имеются две составные части государственного суверенитета. Одна из них тяготе-

ет к внешним факторам и обстоятельствам, а другая, соответственно, к внутренним.

Внешние традиционные и вполне очевидные факторы и составные части основаны на следующих потенциалах:

- военном;
- внешнеполитическом, который включает и дипломатический, и коммуникационный, и союзнический;
- финансово-экономическом;
- гуманитарном.

Вместе с ними сегодня действует так называемая «мягкая сила». Здесь происходят информационная, пропагандистско-психологическая, языковая, культурная, туристическая, человечески-обменная экспансии как обеспечение внешнего фактора государственного суверенитета страны, ее авторитета, ее влияния.

Внутренние составные части государственного суверенитета не столь очевидны и традиционны. Дело в том, что принятие государством, т. е. органами управления, самостоятельных решений в национальных интересах зависит и от внутривластного устройства страны. Если власть нелегальна и нелегитимна, то принятие ею самостоятельных решений затруднено социально-политической нестабильностью в стране и разрывом органичной коммуникации «общество и власть», «общество и элита». Украина ярко демонстрирует эти обстоятельства, в России диагностика по данному вопросу тоже достаточно тревожна. Если власть оторвана от интересов большей части населения страны, то сказать, что она способна принимать решения в национальных интересах, весьма затруднительно. Не только внешние вынуждающие факторы могут ограничивать возможность государства принимать решения в интересах страны, но и внутренние. Даже президент России признал наличие в стране «пятой колонны» и ее политического потенциала влияния и воздействия. Если не только «пятая колонна», носитель иностранных национальных интересов, но и негосударственный приватный потенциал, пул так называемых олигархов, накапливает мощь финансовую, экономическую, человеческую, силовую, политическую, информационную, сопоставимую с этими же потенциалами самого государства, то в соревновании с собранием олигархов государство может и проиграть.

Таким образом, в случае внутренних факторов природа угроз суверенитету более нелинейна, менее видна и не очень традиционна. Вроде бы самостоятельно управляющая элита принимает государственные решения, но не в национальных интересах государства! Могут быть вариации: сознательно ли это делается, с пониманием или без понимания, но по факту мы имеем дело с новым политическим явлением в государственном управлении.

Посмотрим на *экономические* и *финансовые* структурные элементы суверенитета с точки зрения их диагностики в части обеспечения государственного суверенитета. В основном эта диагностика сводится к тому, что в макроэкономических и финансовых национальных государственно значимых решениях современной России они выглядят как, мягко говоря, удивительные, строже говоря, аномальные, еще строже — ошибочные, а совсем строго — диверсионные, навязанные через посредство специальных инструментов манипуляции не только массовому сознанию в стране, но и экспертным, научным, политическим сообществам. И даже — через манипуляцию сознанием — правящей элите. Используются методы информационных войн, их новое поколение в виде когнитивного оружия как внедрения неверных, ложных научных теорий и их тиражирования, создания деформированного профессионального экспертного сознания и перекачки его в сознание правящих элит.

Не имеет обоснования демонетизация страны, которая выводит до 3,5 трлн долларов из суверенного финансового оборота в стране. Не имеют обоснования методы таргетирования инфляции в России, поскольку они, не справляясь с инфляцией, тормозят экономическое развитие. Не имеют экономического обоснования макроэкономические финансовые решения, которые при ставке на внешние частные инвестиции приводят только к прогрессирующему оттоку капитала. По демонетизации экономики страна выглядит аномалией в ансамбле сопоставимых государств, а объем выведенных из оборота 3,5 трлн долларов — как тяжелейшая диверсия против самостоятельности в финансах, в инвестировании и, соответственно, в поддержании неуязвимости национальной экономики от внешней конъюнктуры и внешних геополитических условий.

Аномальность видна и в таких параметрах, как доля золота в золотовалютных резервах и, соответственно, валюты и ценных бумаг стран — геополитических и вероятных военных противников России; в отношении денег в обороте и денег в резерве. Аномальна политика Центрального банка России в части ставки рефинансирования, которая прямо противоположна устойчивым классическим политикам финансовых регуляторов других сопоставимых стран.

Центральный банк России, что, впрочем, вписано в Конституцию 1993 г., — это принципиальный элемент десоверенизации Российской Федерации. Он «выведен» из состава государственных органов власти и институтов: такова норма Конституции. Это почти коммерческий регулятор, который подвержен, конечно, политическим внутригосударственным факторам в виде процедур «назначенчества», но в том числе и консультационным манипуляциям с политическими решениями Центрального банка России.

Очень важно видеть, и это касается проблемы внутренних компонентов суверенитета страны, что *государство последовательно сворачивает потенциал государственности России*. Существует национальный баланс материально-финансовых потоков в ВВП. В этом балансе есть два принципиальных сектора: контролируемый государством, который обеспечивает оборону, экономику, национальную идею, образование, здравоохранение, инфраструктуру, внешнюю политику и т. д. (классический набор ответственности государства). А все остальное контролирует частный сектор, и никто не вправе его упрекнуть, если он не выходит за пределы своего естественного интереса получать прибыль любым способом. В странах G8 доля государственных расходов колеблется от 40 до 55 %. В России эта доля меньше, чем у всех (35 % в 2014 г.), и планируется ее уменьшать и далее. Граница идет вниз: что это означает с точки зрения государственного суверенитета? Если она дойдет до нуля, то данный показатель, как и само государство, исчезнет.

Таким образом, выводы, которые вытекают из результатов анализа, говорят о том, что государственный суверенитет России в своем внешнем компоненте в экономическом и финансовом отношении под угрозой, и это следствие собственной российской государственной политики управления на основании либеральной сверхоткрытой модели страны.

Все помнят книгу Френсиса Фукуямы о «конце истории», вышедшую в 1992 г. Она стала «каноническим текстом» для «молодых» американских неоконсерваторов. В частности, данная книга легла в основу внешнеполитического курса Джорджа Буша-младшего. Именно с этого момента было заявлено, что главные цели внешней политики Америки — активное продвижение по всему миру двух ценностей: демократии западного стиля и свободного рынка. Все это должно было происходить под флагом глобализации и на благо глобализации. Был заявлен девиз — «мир без границ».

Однако основными препятствиями для победного шествия глобализации продолжали оставаться государства и их суверенитет, который тесно связан с *территорией*. И вот в 1995 г. появляется работа известного французского философа Бертрана Бади, которая называется «Конец территории» [1]. Созвучность названий работ Бади и Фукуямы говорит сама за себя. Речь идет об очевидной преемственности идей. Теория «конца территории» стала важным звеном для разрушения идеи суверенитета. Это понятно, ведь территория является краеугольным камнем Вестфальской системы мироустройства, согласно которой каждое государство обладает всей полнотой власти.

По мнению Б. Бади, территория как базовая категория политической реальности сегодня «исчезает» вследствие наступления трех

фундаментальных событий современности. Это прежде всего глобализация, которая меняет инфраструктуру современного мира и становится точкой отсчета всех мировых процессов. Вторым маркирующим историческим фактом он считает окончание «холодной войны», которое уничтожило биполярность мира, глубоко уходящую корнями в территориальные привязанности. Наконец, третьим моментом он называет кризис государства. Отныне государства лишились, если не полностью, то в значительной степени, своей независимости. Самостоятельность финансовой деятельности, перешедшая границы отдельных государственных образований, по сути, подчинила себе государства во внешней политике. Крах «государства всеобщего благоденствия» подорвал авторитет государства внутри нации. И наконец, появились пространства и акторы, недоступные вмешательству государства и даже диктующие ему свою политику. Это — «демилитаризованные зоны», не поддающиеся регулированию очаги гражданской войны и, разумеется, деятельность ТНК и неправительственных организаций, выходящая далеко за пределы государственной компетенции.

Замечательно то, что теория «конца территории» отнюдь не оспаривает проблему территориальных захватов или агрессий в реальном мировом пространстве, которые, как мы наблюдаем в последнее время, вовсе не ослабевают. Это, как выясняется, не противоречит теории, потому что ее главная мишень — «территориальная идентичность». Речь идет об «освобождении» пространства от связи с традиционным понятием нации как культурно-идеологическим феноменом. Главным действующим лицом современности провозглашается индивид, свободный гражданин мира с общечеловеческими ценностями. У него нет никакого национального менталитета, национального прошлого, традиций, привязанностей.

Наконец, проясняется сама суть глобализации. Глобализация, как теперь уже стало совершенно ясно, — всего лишь другое название *американской гегемонии, американского господства*. Об этом достаточно цинично и откровенно заявил Генри Киссинджер уже в октябре 1999 г. на своей лекции в Дублине (Ирландия). Он буквально сказал следующее: «Главный вызов состоит в том, что то, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов».

Таким образом, к началу 2000-х гг. с конструкции Нового мирового порядка можно было снимать строительные леса. Строительство пришло к завершению. Проект оказался следующим. Вместо территории как основы национального суверенитета — общее глобальное пространство. Вместо идеологии — продвижение демократии и рыночного фундаментализма. И лидер всего этого — нация, гордящаяся

своей исключительностью, — Соединенные Штаты Америки. То есть суверенитетом на сегодня фактически обладает только одно государство — США. Однополярный мир стал банальностью.

Теория «конца территории» предоставляет серьезные идеологические аргументы для понимания современного мира как единого пространства, в котором такие понятия, как «национальный суверенитет», «территориальность», «лояльность своему правительству» неизбежно утрачивают свое значение. Но это именно те факторы, которые позволяют развернуть политическую пропаганду «уличных революций» и раскручивать новую сеть активистов по борьбе с неугодными режимами, способствуя тем самым введению «глобального управления».

В однополярном мире, выстраивание которого имеет самое прямое отношение к противостоянию с Россией, проблема территории возникает вовсе не случайно. Для России *территория*, или, иначе, *пространство*, есть ее главный геоисторический капитал, который она в нужные моменты бросала в качестве «сверхтяжелой гири на Весы Истории». Это показали все предшествующие войны. И это же признают серьезные западные авторы. Так, Освальд Шпенглер остерегал в свое время немецких лидеров от вторжения в Россию именно на основании пространственного аргумента. Такое государство невозможно победить, отмечал он, ибо народ будет уходить в бескрайнюю глубь собственных территорий, а врагу будет оставаться пустое пространство. Это пространство, писал он, представляет «фантастический вал против Европы и может быть легко отдано, не приведя к крушению всей системы» [2, с. 95].

Россия, таким образом, оказывается ныне *единственной страной, обладающей классическими преимуществами физического пространства*, которое использовалось в истории мировых противостояний народов как аргумент против иноземных вторжений. И действительно, все наши войны основывались на тактике затягивания врага в глубь территории. Все они для Запада виделись и планировались как блиц-криг, а для нас это были «затяжные конфликты», которые заканчивались нашей победой.

Действительно, «глубина» территории превращает линейные границы в «полосы», растягивает их, делает более прочными и протяженными. Однако главная коллизия сегодня состоит в том, что такое положение дел входит в противоречие с главным кредо современного мира, в который вброшен лозунг — «мир без границ». Таким образом, Россия как «цивилизация пространства» выполняет великую функцию — она противостоит *новой разрушительной тенденции мирового бытия*.

Отсюда становится понятным то агрессивное отношение мирового сообщества к нашему пространству, которое мы наблюдаем по-

следние десятилетия. Это в большой степени объясняется богатством природных ресурсов, находящихся на нашей территории. Однако это далеко не все. Аппетиты возбуждаются также тем, что сегодня российское пространство воспринимается как «пустое». И речь здесь — не о степени его экономического освоения или неосвоения. Причина даже не в географической малодоступности и не в климатических особенностях. Пространство «пусто» с точки зрения проекта, смысла существования. Оно *идеологически «безыдейное»*.

А насчет такого пустого пространства замечательно высказался известный английский социолог З. Бауман в книге «Текущая современность». Он сказал следующее: «Пустое пространство является призывом к действию и упреком лентяям. Оно ждет своего завоевателя» [3, с. 124]. Отсюда и агрессия. Потому что именно смыслы, а точнее — Идея, лежат в основании власти. Именно идеи движут массами, становятся политической силой и, в конечном счете, составляют фундамент крепкой государственности. Российское пространство, будучи на сегодня «безыдейным», тем самым автоматически становится ничейным.

И действительно, государство Российское стояло крепко в те периоды своей бурной истории, когда оформлялись цель и проект его существования, как правило, выходящие за пределы узко национальной ситуации. Московская Русь крепилась не только «грозою» царя и страхом опричнины, она была наполнена собственным смыслом — собиранием земель и народов для спасения в лоне истинной веры. Пространство не было пустым, оно пребывало под напряженным током Идеи.

Что касается петровской эпохи, то России было предложено новое бытие — бытие империи, но при этом не был выработан и заявлен *самостоятельный новаторский проект* этого состояния. В результате Россия фактически стала «подпространством» Европы, периферией ее цивилизации.

К тому же Петр I заимствовал европейскую цивилизационную идею, которая к тому времени уже преодолела имперскую матрицу, данную ей Римом, и находилась в процессе формирования модели государства-нации. Но империя и государство-нация — это фундаментально разные явления. Национальное государство создается в рамках прочной политической формулы, которая опирается на прагматически ориентированного гражданина, укорененного в личной частной собственности. Его динамика — столкновения и конфликты внутри гражданского общества. Его фундамент — власть как *potestas*, как публичная политическая сила, как борьба интересов разных слоев.

Империя же — изначально сверхтерриториальна и основывается на идейном принципе. Основа ее динамики — могущество, духовная мощь, власть как *imperium*. Для империи характерны мессианизм и

сакрализация. Ее историческое здание видится как вселенское и одновременно священное.

По сути и замыслу, предназначение России — духовно-имперское, и попытки несамостоятельного, нетворческого сращения политических элементов национального и имперского бытия периодически рушили страну. Конкретно-историческая Россия достигала пика своего могущества как империя и падала с потерей основного начала, с возрождением идеи, ее питавшей. Территория из *пространства Идеи* превращалась в номенклатуру земель, которые рассыпались и обособливались, а затем исчезали под властью иного государства или компрадорской элиты, находящейся под внешним управлением.

В послепетровскую эпоху качественно новый этап развития страны был связан с идеей социализма. Империя была наполнена новым идеологическим смыслом. Отсюда и позитивное отношение, привлекательность и определенная ностальгия по той эпохе.

Образец империи, данный Римом, создал принцип, позволяющий собирать разные народы без уничтожения их самобытности. «Можно быть римским гражданином, не теряя национальности» [4, с. 447, 448]. Империя объединяла без подавления. Она созидала целое так, что оно оказывалось крепче, чем автономные части. Она зиждилась на понятии общей судьбы. В полном соответствии с таким принципом «русская идея» всегда была больше Идея, чем русская, и потому объединяла, а не эксплуатировала, реализовывала имперский владыческий принцип, а не империалистический материально-колониальный.

Сегодня в наши рассуждения о самоидентификации все чаще возвращаются гиперборейские мотивы. Возможно, здесь работает логика мифологического сознания, исповедующая вечное возвращение к истокам, к которому коллективное бессознательное становится особенно чувствительным в периоды смут и идейных переломов. Все чаще говорят о России уже не как о «западной», «восточной» или даже «евразийской» державе, а как о «северной». Действительно, выработка самостоятельного, независимого от западных конструкций, пространственного образа для России возможна на основе поиска новой точки отсчета в ее существовании — например, как приарктической державы. Процесс дистанцирования концепта русской Евразии по отношению к образам Европы и Азии, преодоление дуализма Запада и Востока видится рядом современных авторов на пути формирования нового метагеографического образа Севера Евразии или Северной Евразии. Он может стать фундаментом обретения Россией собственной пространственно-мифологической миссии и аутентичности, гарантией от поглощения ее более крупными и мощными цивилизациями или политическими образованиями [5]. Северное направление привлекательно еще и тем, что оно единственное от-

крывает прямой выход к морю. Старая геополитическая дихотомия «морских» и «континентальных» государств исторически постоянно оказывала давление на политические стратегии страны. Стремление выйти к морю было неистребимым лейтмотивом политики всех российских царствований. Единственным морским пространством, которое принадлежало России изначально, неоспоримо, «по праву первородства», был, очевидно, Северный Ледовитый океан. Его геополитический смысл рано или поздно должен проявить себя в качестве опоры для построения Россией собственной цивилизационной идентичности.

Россия — особая страна, которая исторически не раз возрождалась из пепла и становилась могущественной и великой державой мира. Именно на такой поворот в развитии мировых событий указывает известный американский исследователь цивилизаций С. Хантингтон, когда пишет: «Коллапс марксизма в Советском Союзе и его последующая реформа в Китае и Вьетнаме не означают, однако, что эти общества способны лишь импортировать идеологию западной либеральной демократии. Жители Запада, которые так считают, скорее всего, будут удивлены творческой силой, гибкостью и своеобразием не-западных культур» [6, с. 67].

Перед Россией стоит задача дать достойный «идейный» ответ Западу. Точкой опоры для такого «мирного мирового» переворота может и должно стать осознание себя как «северной» страны, таящее в себе неразгаданную мощь спасительного гиперборейского мифа. Вполне возможно, что «возвращение к истокам» приведет к доформлению качественно иной по отношению к Западу русской цивилизации. Как справедливо заметил американский ученый, «на протяжении четырехсот лет отношения между цивилизациями заключались в подчинении других обществ западной цивилизации, и лишь русская, японская и эфиопская цивилизации смогли противостоять бешеной атаке Запада и поддерживать самостоятельное независимое существование» [6, с. 67].

Главное из преимуществ, которыми характеризуется северный вектор развития России, состоит в том, что оно позволяет России осознать себя как качественно «другое пространство». Это создает так необходимую нам сегодня точку опоры для нового российского самостояния. Одновременно северный «архетип» может стать стартовой чертой для созидания ее нового истинного *духовно-имперского* бытия, и тогда мир в целом обретает шанс вернуться в равновесно-устойчивое состояние, реализовать подлинную многополярность с перспективой появления двух и более центров.

Наконец, нуждается в исправлении Статья 13 Конституции об отсутствии в РФ *государственной идеологии* («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязатель-

ной»). Напомним, что идеология понимается как совокупность политических, правовых и философских взглядов, оценок, принципов и представлений, определяющих понимание мира и места в нем человека, а также – жизненные позиции, программы поведения, действий людей и отношений между ними. Она придает человеческой деятельности организованный, осмысленный и целенаправленный характер, поэтому отрицание государственной идеологии напрямую означает отрицание осмысленных действий власти, т. е. отрицание возможности государства осуществлять свои функции, а по сути — *отрицание государственного суверенитета*.

Уникальность переживаемой исторической ситуации в том и заключается, что после августа 1991 г. у власти в России оказались люди, лишённые внятных идеологических приоритетов, если не сказать точнее — идеологии вообще. И это, судя по всему, во многом – сознательная позиция, так как любая идеология ограничивает, а существующая система власти не хочет никоим образом ограничивать себя. Власть, лишённая идеологии, идеологического обеспечения, собственной власти, — это противоречие в определении, она никого и ничего не представляет, кроме собственных претензий на власть.

Не иметь своей идеологии — значит руководствоваться чужой (что и происходило, когда Россия «сдавала» Югославию и другие страны), либо — меркантильными личными интересами. Что делать элите страны, которая не имеет государственной идеологии, нацеленной на защиту государственных интересов? Только обогащаться за счет продажи богатств своей Родины и постепенно доводить страну до стадии деградации (что и происходит на практике). Случилось нечто из разряда явно несуразного. Государство и власть на целые десятилетия полностью или почти полностью устранились от формулирования каких бы то ни было национально и социально значимых приоритетов развития, помимо тех, которые навязывались шокирующей приватизацией, устранились от внятного проявления своей позиции по главным жизнеопределяющим вопросам бытия, от расстановки каких бы то ни было акцентов и в первую очередь — нравственных.

Но власть не может оказаться *вне* идеологии, которая выступает необходимым компонентом любого механизма власти, позволяющим осуществлять ориентацию и программирование направлений деятельности массы людей, в конце концов, функцию легитимации самого института власти — обеспечение ее массовой поддержки населением. Сама государственность деградирует без идеологии, ибо это если и не единственный, то главный язык, на котором она осмысливает свои интересы, базовые ценности и смыслы, приходит к осознанию целей своего присутствия в истории. Идеология для государства — это его идентификационное «Я». Какова идеология, таково и государство, а каково государство, таково и идеология.

Вот почему идея тотальной деидеологизации — опасная утопия, так как на самом деле процессы, которые навязываются такой идеей, завершаются либо тотальной хаотизацией, либо банальной переидеологизацией общества и его сознания. Все процессы с приставкой «де» — деидеологизация, деполитизация, десакрализация... — это разные варианты «игр на понижение» и прежде всего — на понижение роли духовных факторов в жизни общества. И их главное предназначение не должно вызывать никаких иллюзий: превратить нацию в ценностно-неприкаянную массу людей, выпавшую из национальной культурной и исторической традиции, а потому тяготящуюся всей системой ценностей национальной идентичности. По большому счету, сознание человека вообще не терпит пустоты, так как всякое умаление одной системы ценностей неизбежно будет приводить и приводит к усилению другой — иной — идеологии. И весь вопрос в связи с этим заключается лишь в том, какая идеология заполнит эту пустоту, образовавшуюся после краха внациональных идеологем.

Ведь то, что сложилось в результате беспрецедентного погрома идеологического пространства России, лишено признаков нормальной духовной жизни. В самом деле, что представляет из себя современная Россия с точки зрения доминирующего в ней идейно-мотивационного начала? Это мир посткоммунистического секулярного атеизма, руководимого *радикальной версией неолиберализма*, сросшегося в «братских объятиях» с абсолютным морально-ценностным релятивизмом. Духовная пустыня, вычищенная хаосом ценностного беспредела — жизнь на крайнем острие крайне бедного сознания, если чем и воодушевляемая, то только крайностями потребительского существования. *Я потребляю, следовательно, существую.* И чем больше я потребляю, тем больше я — человек. Жалкая картина, воистину достойная сострадания! И ее легко создать в том обществе, которое лишают национально идентификационных основ существования в истории и, следовательно, самой истории, где главным идентификационно значимым свойством для человека становится не его история, не его культура, не его духовность, а то, что, как и сколько он потребляет.

Но надо признать, что в таком своем качестве общество становится чрезвычайно удобным для проведения любых реформ, любой приватизации любыми средствами и любой социальной ценой. Для навязывания любых целей, ценностей и смыслов бытия, вплоть до разрушающих сами его основы. В таких условиях идея деидеологизации легко превращается в идеологию духовного разоружения нации. Идея деидеологизации общества, по сути, оказалась ложной и чрезвычайно разрушительной, так как навязала обществу отказ от

национально ориентированной идеологии в пользу идеологии распоясавшегося индивидуализма. Именно его распространение на постсоветском пространстве стало идейно-теоретическим источником массовой легитимации асоциальных практик и ментальным основанием для демонтажа всей системы социальной мобилизации.

Так называемым «реформаторам» было хорошо известно, что такая идеология легко превращается в индивидуализм ни с чем не связанных, а потому и национально безответственных, мигрантов, без особых усилий кочующих по культурной и политической карте мира. И не просто легко меняющих Отечество, но и в нем откровенно и агрессивно противостоящих, всем базовым ценностям национальной идентичности, разрушая их как главное препятствие на пути реализации интересов своего оголтелого «Я». Тем самым либеральный переворот августа 1991 г. с помощью идеологии безграничного либерализма добился решения двух взаимосвязанных и в своих исторических итогах чрезвычайно разрушительных задач: с одной стороны, легитимации повальной коррупции, гражданской безответственности и стяжательского инстинкта, возведенного в ранг новой религии, а с другой — тотальной борьбы против всех форм коллективной идентичности.

Каков же социальный, политический, антропологический и, главное, выражающий их сущность *идеологический* итог? Под видом равенства всех истин, всех ценностей и моральных императивов, под давлением принципа уравнивающего плюрализма и беспринципной, безмерной толерантности общество было втянуто в состояние, близкое к нравственному помешательству, лишено духовных и идеологических приоритетов. А если таковых нет, то не только все возможно, но и отсутствуют центры для консолидации общества, оно социально атомизируется и распадается. Вопрос о народном, национальном, политическом или государственном суверенитете тем самым переходит в разряд неактуальных. В этом смысле либеральная идеология претендует на странный статус — быть идеологией разложения всех обществ до уровня несвязанного одноклеточного состояния.

С учетом трагических итогов векового искушения ценностями национально анонимного и безосновного бытия в истории есть все основания рассчитывать на то, что образовавшуюся духовную и аксиологическую пустоту заполнит идеология национального возрождения России как великой исторической северной державы. Она должна стать базой, надстраивающей над собой и форматирующей под себя любые другие идеологические проявления и процессы в обществе — любые, начиная от крайне левых и кончая крайне правыми идеологами. Ибо в этой жизни все проходит, но Россия — суверенная и могущественная — должна оставаться, неизменно сохраняя свою цивилизацию — наднациональную, культурную, духовную.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бади Б. *Конец территории*. Париж, 1995.
- [2] Шпенглер О. Годы решений (1933). *Политические произведения*, Москва, 2008.
- [3] Бауман З. *Текущая современность*. Санкт-Петербург, Питер, 2008.
- [4] Бенуа А. Идея империи. *Против либерализма. К четвертой политической теории*, Санкт-Петербург, 2009.
- [5] Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации. *Полис. Политические исследования*, Москва, 2009, № 1.
- [6] Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Москва, АСТ, 2006.

Статья поступила в редакцию 25.05.2015

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Соболева С.А. О некоторых проблемах государственного суверенитета России. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 9.

URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/polit/283.html>

Соболева Светлана Анатольевна — канд. филос. наук, доцент кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail sobol0401@yandex.ru

On some issues of the state sovereignty of Russia

© S.A. Soboleva

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The author broaches threats to the Russian state sovereignty and deals with the issues related to it. She has covered financial threats and threats to the economy, territorial and ideological challenges. To explain the causes which have been provoking these menaces, the author brings forward problems and hardships post-soviet countries have been facing, imposing and propagation of neoliberal ideology and relativity of moral values being the foremost of them. To overcome the challenges first and foremost we have to rear and cherish our national and cultural identity, and to create the common national ideology of renaissance of Russia.

Keywords: *state sovereignty, macroeconomic solutions, territory, ideology, national identity, neoliberalism.*

REFERENCES

- [1] Badie B. *La Fin des territoires*. [in Russ.: Konets territorii]. Paris, 1995.
- [2] Spengler O.A.G. Jahre der Entscheidungen, 1933. [in Russ.: Gody reshenny]. In: Spengler O.A.G. *Politische Schriften* [in Russ.: Politicheskie proizvedeniya. Moscow, 2008].
- [3] Bauman Z. *Tekuschaya sovremennost'* [Unstable Today]. Saint-Petersburg, Piter, 2008.
- [4] Benoist A. de *L'Empire Interieur* [in Russ.: Ideya imperii. In: A. de Benoist. Protiv Liberalizma. K chetyvortoy politicheskoy teorii (Against Liberalism: On the Fourth Political Theory). Saint-Petersburg, 2009].
- [5] Zamyatin D.N. *Politicheskie Issledovaniya — Journal "Polis" Political studies*, 2009, no. 1.
- [6] Hantington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* [In Russ.: Stolknovenie tsivilizatsiy. Moscow, AST, 2006].

Soboleva S.A., Ph.D., assoc. professor of the Political Sciences Department at Bauman Moscow State Technical University. e-mail: sobol0401@yandex.ru